

Памяти Н.И. Ашмарина¹
(К 85-летию со дня рождения)

26 августа 1933 года скончался в Казани член-корреспондент Академии наук СССР (с 1929 г.), доктор туркологии, профессор Николай Иванович Ашмарин, уже больной вернувшийся из Чебоксар, куда он частенько ездил, чтобы продвинуть застывшее на пятом выпуске печатание чувашского словаря.

Если включить «годы ученья» (он окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве в 1894 г.) и «годы исхода» (в 1923 г. переехал в Баку и оставался на Восточном факультете молодого Азербайджанского университета до 1926 г.), – жизнь его протекла на Волге.

Н.И. Ашмарин родился 22 сентября² 1870 г. в гор. Ядрине б. Казанской губернии в семье мещанина; начальное образование получил в Курмышском городском училище, среднее – в Нижегородской классической гимназии. Бабушка его была чувашка; это, быть может, и предопределило его научные симпатии. Уже мальчиком 13 лет он заинтересовался чувашским языком и этот интерес пронес через всю жизнь. Всегда и всюду жадно ловил он звуки чувашского языка. Однажды, когда он был зрелым ученым, промелькнула перед ним где-то на волжской пристани фигурка чуваша; забыв обо всем, помчался он на розыски случайного человека: ему почудилось, что речь этого крестьянина должна пополнить его представление о чувашском языке.

Вообще, к языкам у него были большие способности: он прекрасно знал латинский язык; предпринял изучение языка, у нас пока мало распространенного, – языка венгерского, и это раскрывало перед ним достижения венгерских ученых о дальних их родственниках на Волге.

В Казани он начал учебно-преподавательскую работу, здесь же и окончил ее. До революции он преподавал татарский язык в крещено-татарской школе (1895–1899 гг.), географию – в Иностранческой учительской семинарии, основанной в 1872 г. Н.И. Ильминским, до ее закрытия (в 1919 г.)³; с 1917 г. – в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте (где в 1919 г. открыто было специальное отделение восточной филологии, обращенное на изучение языков и культуры народов Поволжья), преобразованном скоро в Восточную академию; потом – в Восточный педагогический институт. И, наконец, судьба бросила его в Симбирск (ныне Ульяновск) – Чувашский институт народного образования,

---

¹ *Сообщением копии трудового списка обязан я вдове его, К.Л. Ашмариной, и сыну, В.Н. Ашмарину.

² *В трудовом списке стоит: «август мес. 29 чис.»

³ * Придавая большое значение знанию русского языка, он совместно с И.С. Михеевым, учителем начальной школы при семинарии составил «Русскую грамматику» (Казань, 1914), в которой подобрал свежий материал из литературного и разговорного языка.

выросший из небольшой школки, созданной ревнителем чувашского просвещения И.Я. Яковлевым, когда (в конце 60-х годов) он был еще гимназистом 6-го класса.

Он принимал живое участие и в той просветительной работе среди нерусского учительства, которую проводили до революции земства. Так, в 1910 г. он читал лекции по чувашскому языку на краткосрочных педагогических курсах, устроенных в селе Сунчелееве.

Учебно-научные занятия посвящены были «инородцам» (татарам и чувашам); это тянуло его к миссионерствующим и правым кругам города Казани, – монополистам инородческого вопроса; он сотрудничал и в Переводческой комиссии при Учебном округе, служил еще в цензуре (просматривал «мусульманские» издания). Словом, реакционная, дореволюционная, Казань наложила на него свой отпечаток. Татары, естественно, смотрели на него косо; они видели в нем руссификатора-миссионера; им казалось, что он задерживает культурный рост татар, сознательно унижает татарскую нацию, ибо отрывал ее от «великих предков» – болгар, отстаивая происхождение чуваш от болгар*⁴. Ашмарин-ученый продолжал дело Ашмарина-чиновника, он защищал «инородцев-христиан» от «инородцев-мусульман».

Так неблагоприятно складывалась для Ашмарина обстановка. Ашмарин должен был после революции покинуть берега Волги, тем более, что Институт в Симбирске закрылся.

Но время притупило остроту одиозности: Ашмарину нужны были чуваш, а чувашам нужен был энтузиаст-чувашист. Он сдался на просьбы чуваш, и, отказавшись от лестных предложений, исходивших из Москвы и Ленинграда, возвратился в Казань и возобновил чтение курсов по туркологии и чувашскому языку в Восточном педагогическом институте. Так шло до 1931 г., когда чувашское отделение Восточного педагогического института, теперь Казанского педагогического института, было переведено в Чебоксары, в столицу Чувашской республики. А так как Ашмарин, крепко привязанный к Казани, отказался ехать в Чебоксары, то более чем 35-летняя педагогическая деятельность его оборвалась, но зато он мог заняться исключительно обработкой своего словаря.

В Казани, центре Поволжья, этого неиссякаемого источника для исследований, затрагивающих судьбы финно-тюркского мира, Ашмарин, уроженец Поволжья, и нашел себя. Богатая этнографическая обстановка давно захватила его, и не школе, а исключительно себе и пытливости своего ума, расположенного к лингвистике, обязан Ашмарин, нащупывавший потом в Казани и методы, и темы и мучившийся нередко от плохой оборудованности провинциальных библиотек.

---

⁴ *См. В. Смолин. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар. (Разбор главнейших теорий). Казань, 1921; М. Худяков. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов Л., 1933, стр. 104-106.

И когда, уже перед революцией, этот провинциал появился в Петрограде, – ориенталисты тепло встретили ученого автодидакта, безостановочно работавшего над собой.

Восточный факультет молодого Азербайджанского университета, высоко ценя ученые труды Ашмарина, давно возвел его (в 1925 г.) в докторы туркологии.

Для получения свидетельства 1-й степени Н.И. Ашмарин должен был написать сочинение по одному из преподаваемых в Лазаревском институте языков (арабскому, персидскому или турецкому). Выбор Ашмарина, конечно, остановился на тюркских языках, и он прислал из Казани «Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880-1895 г.», вошедший в серию «Трудов по востоковедению, изд. Лазаревским институтом». Выпуск IV. (Москва, 1900). Немудро составленный, «Очерк» представляет ценность, как первый обзор светской литературы татар, вырвавшихся из пут религиозной схоластики; он обнаруживает тяготение автора к народной стихии и к живой народной речи. Через несколько лет он опять вернулся к этой теме, отметив общественное пробуждение татар – «Несколько слов о современной литературе казанских татар» («Журнал Министерства народного просвещения», 1905, № 9. Отдел народного образования, стр. 1-32).

Но литература была все-таки побочным занятием Ашмарина, *⁵ главный интерес его был направлен на язык.

Казанско-татарский язык он давно уже преподавал в Казани (общие тюркологические курсы в Северо-восточном институте лежали на С.Е. Малове); но в Баку диапазон работы расширился: он занял здесь кафедру туркологии и вел в университете ряд курсов: по сравнительной грамматике тюркских языков, по памятникам орхонской и уйгурской письменности, руководил занятиями научных сотрудников университета. Для популяризации он прочел эпизодический курс (восемь лекций) по тюркологии. А на I Тюркологическом съезде (в 1926 г.) сделал доклад «Кое-что о прошлом тюркологии и ее настоящем состоянии». («Первый Всесоюзный тюркологический съезд». Баку, 1926, стр. 142-146); здесь подвел он итоги тюркологических изысканий «героического» – радловского – периода, намечая предстоящие задачи – задачи интенсивного изучения отдельных языков и отдельных языковых явлений, для чего на местах, в национальных республиках, создались после революции благоприятные условия.

В «Обществе обследования и изучения Азербайджана» Ашмарин делился богатым опытом, накопившимся у него за десятки лет. В «Краткой

---

⁵ *Для полноты укажу, что в 1914 г. он откликнулся на призыв принять участие в «Восточном сборнике в честь А(лексея) Н. Веселовского» (М., 1914) и прислал переводы стихотворений из классика татарской поэзии Габдуллы Тукая, только что тогда (1913) скончавшегося.

программе для собирания грамматических материалов по языкам и наречиям Дагестана» Ашмарин напоминает, что «незнание быта, особенно жизни и творчества народа, всегда являлось немаловажным препятствием к изучению языка». Давая методологические указания, он рекомендует изучать междометия, детский словарь, как заключающий родные звуки и т.д.; там же были сделаны доклады: «О словаре тюркских говоров», «Инструкция и программа по собиранию материала для составления словаря народных говоров тюрков Азербайджана», «О поездке в Нуху для собирания материалов по народным говорам»^{*6}.

Тщательность и точность лингвистических записей показал Ашмарин в труде «Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи» («Труды Общества», вып. 6, Баку, 1926.); это – образцовая, первая в своем роде монография, которая дифференцирует говоры населения кварталов города, носящих на себе следы различных этнографических группировок.

Но и после, расставшись с Бакинским университетом, Ашмарин не порывал связи с Азербайджаном. «Общество обследования и изучения Азербайджана» пригласило его в 1929 г. для составления плана издания «Словаря тюркских народных говоров Азербайджана», и, как признала Словарная комиссия, он был одним из инициаторов и первых работников по практическому его осуществлению ^{*7} (Предисловие к первому тому, Баку, 1930).

Однако прежде всего Ашмарин был чувашист; языку, лексике и фольклору чуваш, – созданию чувашской филологии отдал он жизнь от юных лет. Это было осознанное и до конца продуманное решение человека, который ясно видел, как недостаточны труды о чувашах, «древнейших насельниках Поволжья», изучение которых открывает широкие горизонты для понимания истории Поволжья. Конечно, как филолог-лингвист, он недооценивал или, точнее, упускал значение археологических изысканий, которые на территории Чувашской республики широко развернулись после Октября.

План всестороннего изучения чуваш сложился у него давно, вскоре по окончании высшей школы, и он упорно возводил здание, иногда отвлекаемый посторонними работами, пользуясь, однако, всяким случаем, чтобы оформить печатно мысли, подсказанные материалом, собранным им самим или его доброхотными помощниками. И, кажется, живее, чем у кого бы то ни было, на трудах Ашмарина ощущается коллективность в

---

⁶ * Доклады эти перечислены в «Известиях Общества обследования и изучения Азербайджана», № 1.

⁷* У него есть еще статья о татарском синтаксисе «К вопросу о расположении частей предложения в татарском языке» («Вестник Научного общества татароведения». № 7, 1927 г., стр. 103-106), но взгляды, высказываемые там, банальны. Для полноты отмечу еще статью на татарском языке «Знаки препинания в татарском языке». Казань, 1922.

творчестве – внутренняя связь между автором и его часто анонимными корреспондентами.

Еще в 1888 г., наблюдая чувашскую свадьбу, Ашмарин, – как заявил его брат («Этнографическое обозрение», кн. V, стр. 157), – записывал песни, сказки, загадки и причитания. Так, до поступления в высшую школу изучение чувашского языка стало той осью, вокруг которой вращались его помыслы, находился ли он в Казани или был в невольном изгнании, на Кавказе.

Первая печатная работа, когда он был студентом Лазаревского института, появилась в журнале «Этнографическое обозрение» (кн. XIII-XIV, стр. 42-64), отводившем всегда громадное место этнографии и фольклору народов. «Очерк народной поэзии у чуваш» обнаруживает большую симпатию автора к народу. «В народной поэзии, – пишет Ашмарин, – ценный материал для этнографической науки и – народной психологии».

За студенческим опытом (может быть, даже и представленным в Лазаревском институте в виде обязательного реферата проф. А.Н. Веселовскому), за популярным этюдом, передавшим чувашскую песню в русском переводе, последовали точные записи текстов: «Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской» (Казань, 1900, 91 стр. – Приложение к XVI тому «Известий Общ. арх., ист. и этн.»). Здесь соблюдены, конечно, основные правила, предъявляемые к собирателю: дан текст и перевод, обозначено место записи, приведены и краткие примечания. Чувашский композитор Ф.П. Павлов, автор очерка о песенном и музыкальном творчестве у чуваш, высоко ставил сборник Ашмарина и считал его «единственным в истории чувашской фольклорно-этнографической литературы» («Чуваши и их песенное и музыкальное творчество», Чебоксары, 1927, стр. 42).

Так же построен вышедший уже после революции «Сборник чувашских пословиц» (Чебоксары, 1925, 56 стр.), содержащий свыше 1300 пословиц, расположенных в алфавитном порядке. Пословицы собраны частью Ашмариным, частью школьными работниками и газетой «Канаш»; русский перевод принадлежит, большей частью, Т.М. Матвееву. Реальный комментарий, собственно, отсутствует, иногда сообщаются диалектальные формы чувашских слов.

Фольклорная жатва, количественно, незначительна: упущены, например, обрядовые песни, сопровождающие у чуваш общественные собрания или моления, рабочие песни, детские песни и др., но эта скудость объясняется тем, что собирался фольклор мимоходом; для Ашмарина слово было материалом для построения языковых и лексикографических трудов.

На живой народной речи построены у него «Материалы для исследования чувашского языка» (Казань, 1898, часть I-II; первоначально напечатано в «Ученых записках Казанского университета» за 1897 и 1898 гг.). Здесь поражает широкий охват народных говоров, что позволяет автору установить фонетику и морфологию языка и этимологию слов, он затрагивает и влияние чувашского языка на финские языки, (на марийский

язык). Конечно, инструментальная фонетика вносит теперь дополнения и исправления в классификацию и определение звуков чувашского языка

Первый большой языковой труд носит все-таки следы излишнего доверия к источникам: исходя из «несомненных достоинств» сочинений Переводческой комиссии, он использовал и переводные труды религиозно-нравственные, т.е. искусственную речь на темы отвлеченные. Между тем, история общественно-политических переводов на национальные языки СССР вскрывает неподготовленность кадров переводчиков, – и уж, конечно, перевод, зависящий от оригинала, полное понимание которого, быть может, и ускользает от переводчика, – не может служить мерилем норм языка.

В предисловии к «Материалам» молодой ученый, несмотря на авторитет акад. В.В. Радлова, который утверждал, что чувашаи – отуреченные финны, что это какой-то финский народ, усвоивший тюркский язык, – робко усомнился в правильности этой теории, он развил гипотезу (разделявшуюся Гренбеком, Рамstedтом) о тюркском происхождении чувашского языка, в котором сохранились более древние черты тюркских языков.

Постепенно расширяя представление о чувашском языке, Ашмарин провел знак равенства между чувашами и болгарами, как волжскими, так и дунайскими. Небольшой, сравнительно, объемом труд Ашмарина «Болгары и чувашаи» («Известия Общества археологии, истории и этнографии», т. XVIII, вып. 1-3, Казань, 1902) говорит о большой начитанности автора и хорошем знании чувашской топонимики. Конечно, гипотеза эта высказывалась уже и раньше (напр., акад. А.А. Куником), но у Ашмарина она блестяще аргументирована (см. также его позднюю статью «Несколько слов о труде Jos. Jul. Mikkola «Хронология дунайских болгар», «Известия Общества археологии, истории и этнографии», т. XXXII, 1922 г.).

Но элементы чувашско-булгарского языка (языковые заимствования) обнаруживаются у мадьяров (венгров) – это заметили уже мадьярские ученые (Hunfalvy, Munkacsı позже Gombocz). Так, на огромном пространстве, от Волги до Дуная, разбросаны отголоски большого кочевого народа, наводнившего в средние века Европу. Отсюда Ашмарин смело шагнул вглубь веков, в эпоху миграции гуннов. Собственные имена и титулатура, уцелевшие от гуннов, находят истолкование через языки их потомков – болгар и чуваш⁸. Вот вкратце этапы положений Ашмарина, той теории, которой, как осторожно выражается акад. В.В. Бартольд, «по всей вероятности, принадлежит будущность» («Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР, избранных 31 января 1929 г.», Л., 1930, стр. 4).

И, как будто, приходят еще новые подтверждения гуннской теории. Архаичность строя чувашского языка (давно очевидная Ашмарину) ставит его, лингвистически, где-то между тюркскими языками и монгольским: это, как доказывают некоторые ученые, – болгарская группа алтайских языков.

---

⁸ *См. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент. 1928, стр. 5.

Но археологические находки С.А. Теплоухова в Минусинске вскрывают их монгольский характер, а немногочисленные лингвистические данные о гуннах, собранные из китайских источников Иакинфом, находят себе объяснение, как убежденно говорил мне проф. А.И. Иванов (китаист), – в монгольском языке. Таким образом, изыскания (и вещевые, и языковые) о гуннах, предках болгар-чуваши, ведут к монголам.

Следы болгарского языка – предка чувашского языка – запечатлены на старых надгробиях. Среди болгар распространен был (с X в.) ислам. Еще в XIII-XIV вв. в окрестностях Казани, как свидетельствуют эпитафии, было культурное мусульманское население, говорившее на языке, близком к языку современных чуваш-христиан. («Об одном мусульманском могильном камне на Архиерейской даче в Казани», Казань, 1905; «Болгарские надписи, найденные около с. Тукмакла», в «Известиях Общества обследования и изучения Азербайджана», № 5).

Используя лингвистические наблюдения, некоторые ученые правильно заключали, что ислам распространен был в городах Булгарского царства; только правящая верхушка и торговый класс исповедовали ислам, а в деревнях – в лесной глуши и в степи – царило язычество. После падения Булгарского царства, – продолжаю я, болгары-мусульмане денационализировались и – как мусульмане – слились с татарами, а деревня чувашская со времени наступления Москвы на Поволжье в XIV в. захвачена была миссионерами и внешне обращена в христианство. Но деревня сохранила не только старые языческие воззрения, Ашмарин услышал и «Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш», когда Булгарское царство, потеряв самостоятельность, вошло в состав Золотой Орды («Известия Северо-восточного археолого-этнографического института», т. II, 1921 г.).

От лингвистики, помогшей Ашмарину осветить культурно-этнографические проблемы, он перешел к строю чувашской речи. Когда Ашмарин приступил к изучению синтаксиса («Опыт исследования чувашского синтаксиса», ч. I, Казань, 1903; ч. II, Симбирск, 1923), у него уже в первой части видна большая зрелость; он критически расценивает взгляды, высказанные им раньше в «Материалах для исследования чувашского языка». У него были и предшественники; в Казани давно было тяготение к синтаксическим штудиям, и на труде Ашмарина заметно знакомство с А.А. Бобровниковым, который, как писал Ашмарин, «с удивительной для того времени углубленностью рассматривал синтаксические явления монгольской и калмыцкой речи». Еще большее значение имела для него «Грамматика алтайского языка, составленная членами Алтайской миссии» (Казань, 1869), одним из главных участников которой был Н.И. Ильминский, хотя Ашмарин решительно порицает «отрывочность, незаконченность набросков».

Как ни как, после Ильминского Ашмарину легко уже было разработать и углубить синтаксис чувашского языка на основе богатейшего собранного им лексического и фольклорного материала. Он обратил большое внимание на «психологические факты, играющие важную роль в турецком языке»; первая

часть вышла в 1903 году. Только через двадцать лет в Симбирске удалось ему на средства кооперативного издательства, возникшего после Октября, выпустить вторую часть – синтаксис глагола, но эта «предпоследняя» часть, как писал Ашмарин, – увы – пока и последняя часть, хотя конец рукописи сохранился и мог бы быть издан.

Критика (П. Иванов) нападает на Ашмарина, указывая, что, находясь во власти индоевропейских навыков, он схематизирует и совершает формалистические насилия над живой чувашской речью.

«Народную психологию» искал Ашмарин и в подражательных словах, это была тема, к которой он неоднократно возвращался. В программной речи на Первом тюркологическом съезде в Баку, отмечая «неизученность мимологии», он говорил, что эти древние словообразования помогут довести исследования до эпохи, когда слова еще являлись прямыми отражениями и выражениями настроений и подражательных стремлений, а не условными символами, первоначальное значение которых исчезло. «Каждое слово языка, – продолжал он, – в его первоначальном значении, это – отражение первобытной мысли, воспоминание о старом обычае, обломок старого быта, отзвук забытой мелодии, памятник старого мировоззрения, отпечаток древнего понимания природы».

В этой области Ашмарин был подлинным пионером. Впервые на Общечувашском съезде учащихся прочитал он «Основы чувашской мимологии» (Казань, 1918); в кратком докладе подчеркнул он значение подражательных слов, произносимых с наибольшей интенсивностью чувства, для суждения о старой эпохе чувашского языка; а по возвращении с Кавказа, издал большой развернутый труд «О морфологических категориях подражаний в чувашском языке» (Казань, 1928) ⁹. Мимемы, как определил Ашмарин, представляют слова, воспроизводящие явления окружающего мира: звукоподражания, движения, световые явления, детские слова и т.п. Это давно задуманная монография включает обильный материал, строго классифицированный и сгруппированный, «для разрешения вопроса о первобытном состоянии тюркской речи».

Как видно из программной речи на Первом тюркологическом съезде, Ашмарину близки были и теоретические языковые вопросы; он продумал западноевропейскую литературу (труды Вундта, Есперсена и др.) и мечтал, очевидно, о создании «психологии языка». Судя, отчасти, по примерам, приводимым им в мимологических этюдах, а еще больше в последних статьях: «Немецкое Schlange в свете урало-алтайских подражательных образований» и «К вопросу о происхождении латинского названия свинца» («Научно-педагогический сборник», IV и V, Казань, 1928-1930), – труд, начатый, но не заверченный; Н.И. Ашмарин, исходя сначала из наблюдений

---

⁹ * Эксерпт монографии (незаконченный) «Подражание в языках Среднего Поволжья» появился сначала в Баку (см. «Известия Азербайджанского университета». Общественные науки, тт. 2-3, 4-5).

над финно-тюркскими языками, должен был разъяснить роль подражательного элемента в человеческой речи – в процессе возникновения слов. Конечно, таким образом, проблема освещалась у Ашмарина односторонне: «психология» отодвигала элемент общественный и удалялась от материалистического понимания происхождения языка. Впрочем, программная речь Ашмарина, своего рода научное языковедное credo, говорит, что всегда слово было для него неотделимо от реальной обстановки, оно было для него продуктом быта.

Венцом творения, «классическим трудом», как отозвался В.В. Бартольд, должен был явиться словарь чувашского языка. О нем Ашмарин мечтал еще на заре научной деятельности; он смотрел на словарь, как на служение народу. Желая привлечь к участию в словаре, присылкой материалов, чувашскую интеллигенцию, Ашмарин в двух изданиях с одного набора (в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» и в «Известиях по Казанской епархии») опубликовал в 1900 г. «Программу для составления чувашского словаря»^{*10}. После длительных подготовлений, отнявших еще десять лет, словарь начал выходить (Казань, 1910-1912), но на втором выпуске издание оборвалось. Последнюю корректуру словаря держал академик Ф.Е. Корш. <...>

---

¹⁰ * Возможно, что программа Ашмарина пробудила лексикографические интересы у Н. Никольского, выпустившего в 1910 г. «Русско-чувашский словарь». В предисловии к «Краткому чувашско-русскому словарю» (Казань, 1919) он заявил, что у него готовится большой чувашский словарь, но, желая его расширить, он просит присылать ему слова и фольклорные записи.

Гордлевский, В. А. Памяти Н. И. Ашмарина / В. А. Гордлевский // Ученые записки / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1956. – Вып. 14. – С. 268-276.